

Свобода

Когда я прихожу с мороза, мои щёки пахнут жасмином.

Обними меня.

Слышишь, как я играю?

Это музыка.

Не знаю, когда тебя смогла впустить в себя,

но знаю, что там, где остановлюсь, чтобы прислушаться к своему сердцебиению,— там ты.

Ты там, где моё беспокойство переходит в полное спокойствие,

где появляется музыка ладоней и взглядов.

Это слышат двое.

Вот как сейчас,

когда шёпот едва коснулся меня, а я откликнулась,

и мы глаза в глаза, до каждой косточки совпадаем.

Вселенные рождаются под музыку.

Вселенные звучат струнно и пьяно, как твой голос,

и я умираю, чтобы снова родиться...

И так миллионы раз.

А он: «Знаешь, искусство и здесь состоит в том, чтобы свободно играть словами, звуками и смыслами—вплоть до их полного соединения и потери.

Цель при этом—свобода или хотя бы её видимость.

Свобода...

А вообще я так по тебе скучаю»

Полёт

Послушай, не надо сшивать эту «куклу вуду»,

она не заставит меня подняться—встать и идти.

Тряпичная птица—у меня диссонанс когнитивный,

а ты, как хирург—стежки ставишь ровно по кругу,

крыло поправляешь, вдыхаешь тихонько душу...

Будто действительно думаешь, что полечу куда-то,

Только я знаю, что в теле у птицы—вата,

Точно такая же, как у меня в ногах.

Да оставь ты несчастную птичью тушку...

Тони, давай потанцуем,

я не забыла движения рук и движения головы.

Держи меня крепче—руками, как берегами.

Я падаю только дождливыми четвергами.

Помнишь, мы были лучшей балетной парой?..

Тони, ну подними меня над головой и кружи—

пусть разволнуются тени.

Кажется, я лечу...

И птица летит

кругами.

Когда будешь вечером уходить, положи мне её на колени.

Малыш

Гложет лунную корочку в белой перине сыночек.
Сладко ему
или горько?
Губками трогает сонно каплю огромную мамы.
Что же тебе, милый, снится?..
Мир, такой ещё тёплый, где невозможно напиться?
Ярких оттенков свобода, завязь синих огурчиков?..
Что тебе снится, хороший?
Сколько будет попутчиков?
Станешь ли первым счастливым?
Нежно сосёшь...
Так нелепо
розовым мокрым пальчиком пробуешь сладкое небо.
Пробуй, роднуля, пробуй—
вкус его самый-пресамый!
Плюшевая головушка,
плюшево одеяло.

Тревожные птицы

Тревожные птицы кричат...
Ты слышишь их: «Скиир...»?
Сколько это будет продолжаться?
Я устала. Они зовут меня ввысь.
Моё сердце им стало гнездом,
и сейчас я чувствую боль в груди,
слышу их клёкот.
Я по-птичьи давно понимаю
и знаю, идут дожди...
Обними меня
и не отдавай никому—ни знахарю, ни врачу,
даже если я волосы вдруг состригу,
даже если я крылья себе смастерю.
Просто прижми меня крепче и прислушайся.
Мне не хватает воздуха, хоть небеса в груди,
губы синеют, и в карих глазах плещется
синева—
такая, что плачут стрижи.
А видит ли нас Господь?
Прижимаюсь к твоей груди
и слышу диковинных птиц, раздирающих
плоть.
«Скиир...» Зовут за собой в путь.

Жёлтый букет

В комнате полумрак...
Ночь по красной тропе восходит,
смуглая луна жаром пышет.
С тёмной её стороны—
река медова.
Мне бы каплю её притяжения,
мне бы янтарный свет...
Искажается пространство:
проявляются стены—
кадрируются ромбы,
прозрачные зеркала.
Может быть...
Ты?
Пальцы касаются.
Нежность—ощущение,
когда теряешь дыхание.
И в меня прорастают пылью одуванчики—
ты принёс...
И откуда такой золотой букет?

А потом на старинном,
комоде bombe
приютится эюдж—
одуванчиковый рассвет.

Рассвет.
Удивляюсь расцветке:
прозрачный рислинг, розовое вино, щербет.
Утро настало.
На солнце видно:
в комнате, где заблудился свет
немного пыльно.
Но в каждой пылинке
счастье и
маленький
жёлтый цветок.

Томатно-овальное

Томатное дерево—самое сладкое,
макушка его завершается солнцем,—
сипел муравей, подметая свой дворик
в квадратной долине
квадратного мира.

Квадратами стёкол блестели закаты,
но что-то смущало и мучило сердце—
как дед был—овального рыжего цвета,
и это томило овальную память.

А был бы квадратным—
садился бы в угол

и сам создавать мог углы непременно...

Но в жизни его, совершенно квадратной,
висело над домом томатное солнце—
неправильной формы—обычного сердца.
И это давало безумцу надежду
на правильный мир но...
неправильной формы.

Неправильность формы—вот камень—гранит.

Но грызли собратья томатные корни—
и комнаты шире, светлее казались,
и неба клочочек ровнее, квадратней...

Их было миллионы, глядящих не в небо,
а в лужу у дома,
где мир отражался слегка искажённым—
квадратное небо
квадратно краснело.

О чём ты поёшь?

И зачем смертным вечность?

Свобода твоя—лишь свобода на смерть.

Ты, братец, в кольце, хоть оно и квадратное.

Нет шансов, увы...

И не думай!

Хотя...

Зачем он тебе?

Сон в летнюю ночь

Засохли маки—звенят коробки,
и паутина летит на юг.
Я пришиваю ко сну оборки
и, дождик выжав, креплю на крюк.

Пушкай просушатся мышьи норки,
и пусть просушится в них урюк.

Спят летней ночью дожди и снега,
последний гром отгремел весной.
И мы с тобой предаёмся неге
и доверяем луне слепой...

Она давненько дала побегу,
и реки стали её судьбой.

Пусть мне приснится большая рыба,
в реке-кормилице—мотыли.
Ты помнишь место, где у обрыва
кружатся белые журавли?..

Когда проснёмся, я—сброшу крылья,
ты—сложишь синие плавники.